Всё ли могут короли, или кое-что о вседозволенности

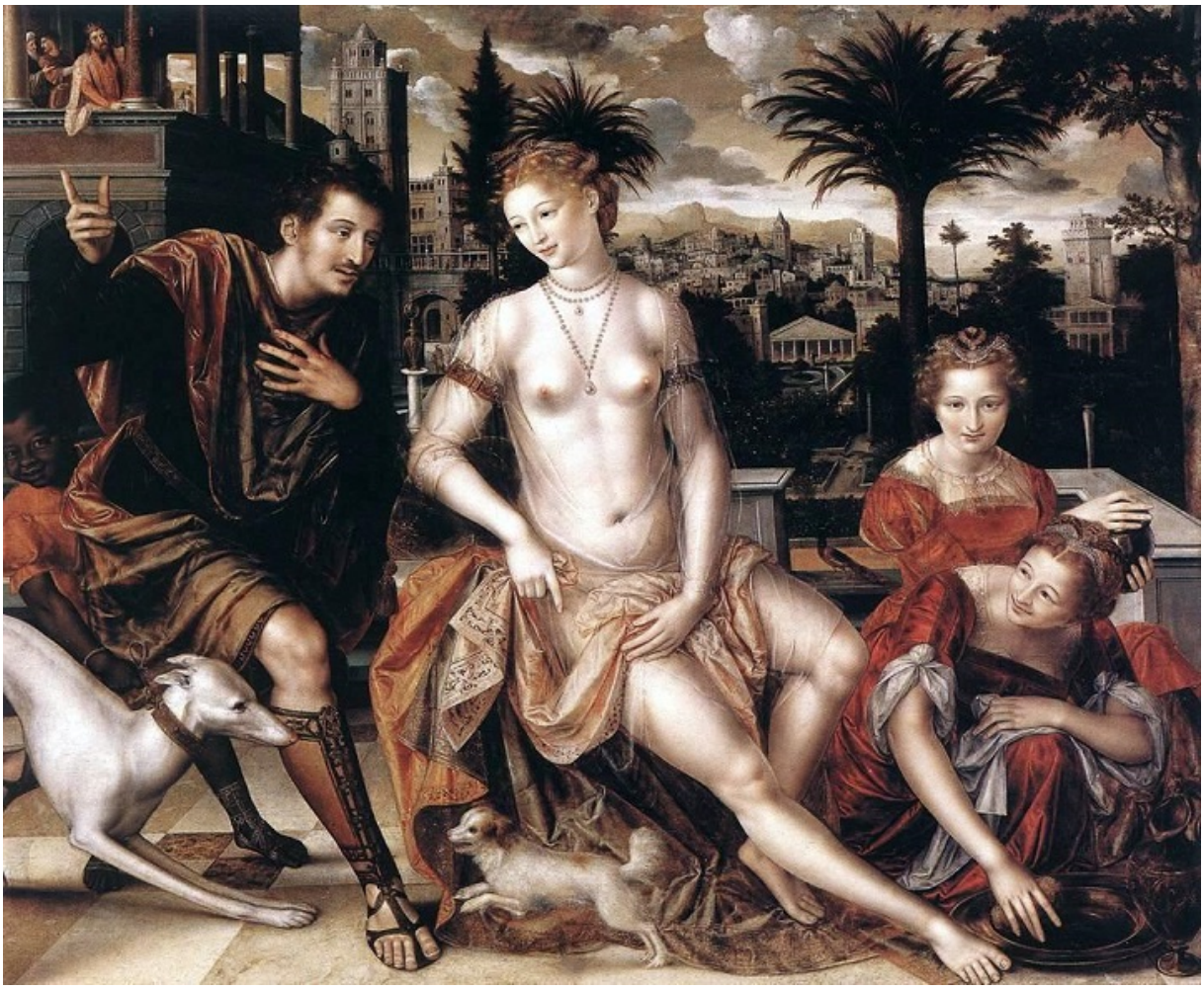
«Давид соблазняет Бат-Шеву», полотно неизвестного художника XVII века

Обсуждаемое дело современные юристы квалифицировали бы как действия, имеющие целью убийство при отягчающих обстоятельствах и использование служебного положения в корыстных целях. Итак, что же происходит в 11-й главе Второй Книги царств?

Однажды под вечер Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива.

Царь навёл справки, и выяснилось, что женщину зовут Бат-Шева и она — жена военного Урии Хеттеянина. Давид был человек любвеобильный, женщина роскошна, и он немедленно отправил слугу привести чаровницу в свои покои.

И она пришла к нему, и он спал с нею. …Женщина эта сделалась беременною и послала известить Давида.

Бат-Шева с посланцем царя. Давид наблюдает с крыши, худ. Ян Массейс, 1562

Что же делать в сложившейся ситуации венценосной особе? Он разработал план: дать солдату отпуск, чтобы тот вернулся и переспал со своей женой. Тогда родившийся ребёнок для всех будет сыном Урии Хеттеянина. Главнокомандующий исполнил приказ.

И пришел к нему Урия, и расспросил его Давид о положении Иоава и о положении народа, и о ходе войны.

Дело в том, что царь был давно знаком с этим солдатом, в юности служившим оруженосцем знаменитого богатыря Голиафа. Когда Давид сразил Голиафа выстрелом из пращи, именно Урия протянул ему меч своего господина. А когда Давид воцарился в Иерусалиме, Урия стал одним из тридцати семи богатырей, составивших личную гвардию царя.

И сказал Давид Урии: иди домой и омой ноги свои. И вышел Урия из дома царского, а вслед за ним понесли и царское кушанье.

Но, как говорится, человек предполагает, а Всевышний располагает, хитроумный план дал трещину:

Урия спал у ворот царского дома со всеми слугами своего господина, и не пошел в свой дом.

Деталь картины Рембрандта «Давид и Урия»

Тогда царь опять вызвал воина к себе и спросил: «Вот, ты пришел с дороги; отчего же не пошел ты в дом свой?»

На что Урия ответил: «Ковчег [Божий] и Израиль и Иуда находятся в шатрах, и господин мой Иоав и рабы господина моего пребывают в поле, а я вошел бы в дом свой и есть и пить и спать со своею женою! Клянусь твоею жизнью и жизнью души твоей, этого я не сделаю».

Тогда властитель оставил солдата в Иерусалиме ещё на день. Но опять:

Вечером Урия пошел спать на постель свою с рабами господина своего, а в свой дом не пошел.

Из поведения солдата следует, что он был умный человеком, достойным глубокого уважения. Урии наверняка стало известно о происшедшем между царём и его женой. Ответы воина — это и своеобразный пример красноречия: он назвал своим господином не Давида, а своего командира Иоава, тем самым показав царю своё презрение и не дав ему шанса законно себя казнить.

Итак, бывалый воин не захотел упрощать задачу Давида. Человеком Урия был не богатым, и всё, что у него имел — воинскую честь и уважение товарищей по оружию. И честь свою он пятнать не хотел. Тогда Давид отослал солдата обратно на войну, передав с ним письмо своему главнокомандующему Иоаву:

Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер.

«Давид передает письмо Урии», худ. Питер Ластман, 1619

Разумеется, Урию вместе с несколькими воинами послали на смертельное задание, где они и погибли. Чтобы убить мужа красавицы Иоав был вынужден отправить на смерть других людей, но царь одобрил действия главнокомандующего, сказав посыльному: «Так скажи Иоаву: пусть не смущает тебя это дело, ибо меч поедает иногда того, иногда сего».

После этого владыка, удовлетворённый результатами проделанной работы, после положенного по закону траура, ввёл Бат-Шеву к себе в дом и сделал женой.

Безусловно, моральная победа в этой схватке осталась за Урией. А поступки Давида в данной ситуации — это поведение альфа-самца. Коль приглянулась женщина, так с ней надо переспать. А что при этом погиб ни в чём не виновный, верный ему человек — что ж... И жил себе Давид, не тужил, даже ребёнка сделал новой возлюбленной, только вот возникла у царя проблема: его поведение не понравилось тому, кто **над ним**, кто сильнее царей и могущественнее вождей: «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа».

В нашем случае Всевышний сам вынес приговор и послал своего пророка, Натана, его объявить. Натан начинает оглашение приговора с притчи: *«В одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный; у богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него, как дочь; и пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему»*.

В ответ Давид гневно воскликнул: *«Достоин смерти человек, сделавший это»*.

В тот момент царь так возвысился в своей гордыне, что абсолютно не чувствовал никакого раскаяния. Ему и в голову не пришло, что речь идёт о нём. И Натан ему это объясняет: *«Ты — тот человек, [который сделал это]... Урию Хеттеянина ты поразил мечом; жену его взял себе в жену, а его ты убил мечом Аммонитян».*

«Натан с царем Давидом», худ. Маттиас Шейтс

Лишь в этот момент Давид понял цель визита пророка. «Согрешил я пред Господом», — отреагировал он, желая смягчить наказание. И в ответ Натан оглашает вердикт:

«Господь снял с тебя грех твой; *ты не умрешь, но… умрет родившийся у тебя сын».*

Своим дальнейшим поведением Давид показал, что остался тем, кем был всегда — настоящим воином. Пока оставалась надежда, он постился и молился. Как только узнал, что ребёнок умер, то сразу умылся, переоделся и приказал принести себе еды.

Когда его спросили о причине столь разительной перемены, он ответил: «Доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне».

У читателя могут возникнуть вопросы к приговору — нельзя убивать сына за грехи отца, сын за отца не ответчик! На что я могу возразить: это нам, людям, нельзя. А в данном случае суд свершил Всевышний, а у него свои законы.

Возможно, такой приговор царю Творец вынес из деловых соображений. Не исключено, что Ему нужен был на месте лидера именно Давид. А поскольку государь окончательно возгордился и решил, что людские законы писаны не для него, то его просто необходимо было приструнить.

Если исходить из этой логики, то приговор был правилен, поскольку достиг своей цели. Писание показывает — Давид усвоил урок.

Михаэль Певзнер, специально для «Хадашот»